

нявшего свой основной источник — ЕЛ-2. Можно прибегнуть к такому сравнению. ЕЛ-2 подобен крепости, строившейся в течение многих лет и отразившей в своем современном виде замыслы и вкусы нескольких поколений строителей: на одном ее углу — огромная толстенная башня, а на другом — ветхая стрельница, едва достигающая уровня стены. С севера крепость восхищает нас своей суровой простотой и строгостью, а с востока ее стены обросли живописными пристройками... И вот искусный и мудрый инженер-фортификатор начинает перестраивать крепость. Он не стал надстраивать все ее стены и башни еще на сажень или, напротив, разрушать все, что было построено его предшественниками. Он озабочен другим: чтобы со всех сторон крепость была бы одинаково неприступна, чтобы все в ней служило нуждам обороны и ничему более. Поэтому он приказывает разобрат верх самой высокой башни, но одновременно надстроить до ее нового уровня все остальные, он разрушил остатки старой стены, но зато новая, возведенная им стена стала шире и выше.

Составитель Хр. 1512 подобен этому фортификатору. Он сосредотачивает все свое внимание на изложении истории мира в ее главном, «магистральном» течении. Он сокращает чрезмерно громоздкие разделы повествования, но зато дополняет слишком краткие, он заменяет менее выразительные рассказы новыми, извлеченными из других источников, безжалостно опускает все лишнее, все, что отвлекает от основной задачи его труда. Он добивается единого стиля, единого ритма изложения. Гармония форм его создания не была самоцелью, она результат гармоничности содержания, как симметрия и строгость силуэта перестроенной крепости в конце концов — результат стремлений улучшить ее боевые качества.

Мы уже приближаемся к ответу на вопрос, поставленный нами в начале работы, — на вопрос о назначении жанра хронографа в представлении его создателя. Что интересовало его более всего: создать систематическое и исчерпывающее изложение основных этапов мировой истории или же собрать коллекцию нравоучительных исторических анекдотов (разумеется, в прежнем, глубоко серьезном значении этого термина), где каждый из них важен сам по себе, но менее существенна их связь друг с другом?

Ответить на этот вопрос поможет нам анализ последней тематической части Хр. 1512 — рассказа об истории Русского государства. Здесь составитель Хр. 1512 словно бы утратил присущее ему чувство единства стиля: использованные им летописные заметки сохраняют свою традиционную форму, чаще всего это краткие погодные записи, предваряющиеся традиционной летописной формулой «в лето...». Меняется даже стиль заголовков: они становятся безлико однообразными. Например, «Великое княжение Русское»,<sup>55</sup> или «Русское великое княжение»,<sup>56</sup> или «Великое княжение Московское».<sup>57</sup> Сюжетных рассказов становится крайне мало: это статьи «О взятии Москвы», «О убиении великого князя Юрия», «О князи Дмитрии Красном» и некоторые другие.

В чем же причина этого нарушения гармонии, о которой мы только что говорили? Ответ на этот вопрос осложнялся предположением, что русские статьи Хр. 1512 были специально обработаны для своего труда его составителем. Но после того как Б. М. Клосс убедительно доказал

<sup>55</sup> Хр. 1512, стр. 382, 388, 396, 401, 409, 411, 422, 435.

<sup>56</sup> Там же, стр. 386.

<sup>57</sup> Там же, стр. 409, 430.